

А. И. Красницкий

Гроза Византии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. И. Красницкий**
Гроза Византии / А. И. Красницкий – М.: Книга по Требованию, 2012. – 197 с.

ISBN 978-5-4241-1851-7

ISBN 978-5-4241-1851-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Александр Иванович
Красницкий
Гроза Византии

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГОЛУБЫЕ И ЗЕЛЕННЫЕ

1. НА БЕРЕГУ БОСФОРА

День догорал.

Ярко— багровый диск заходящего солнца купался уже в позолоченных его же последними лучами волнах Босфора. Он как бы медлил погрузиться совсем в эту беспредельную гладь и, казалось, отдыхал теперь в отрадней вечерней прохладе, сменившей зной дня. Последние лучи его продолжали еще упорно бороться с надвигавшейся темнотой ночи. Они золотили не только воды пролива, теперь безмятежно покойного, но также играли и на куполах императорского дворца, на крестах дворцовых церквей и, золотя яркую зелень густых деревьев парка, полутенями спускались к самому берегу и пропадали в чуть заметной ряби Босфора, подходившего в этом месте как раз к подножью роскошных густолиственных деревьев, которые в, свою очередь, как зеленой рамкой, окаймляли берег.

Было очень тихо. Сюда почти что не доносился грохот и гам Нового Рима — его заглушали деревья парка и шум волн. Редко-редко чириканье птиц нарушало торжественную тишину этого покойного уголка всегда так шумной Византии.

Впрочем, не одни только птицы и волны Босфора нарушали эту тишину. Неуклюжая рыбацья ладья, покачивавшаяся у берега, показывала, что где-то близко были люди.

И, в самом деле, этот уголок был обитаем.

В нескольких шагах от воды видна была покачивающаяся жалкая лачужка. Растянутые около нее для просушки сети, невода, небрежно кинутые у самого входа весла прямо говорили, что хозяин этой лачужки несомненно был рыбаком.

Около входа в хижину, на небольшой прикрытой травой прогалинке, на камне сидел старик, нежась на догоравших лучах солнца. Он был согбен и сед. Волосы на его голове и длинной бороде были белы, как снег. Старчески сморщенное лицо с крупными чертами было очень добродушно. Выцветшие от лет глаза смотрели тепло и ласково.

Одет он был чуть ли не в лохмотья, едва прикрывавшие его пепельно-серое тело.

Впрочем, в этом уголке другой одежды, пожалуй, и не надобно было. Люди сюда заходили редко, а молоденькая девушка, склонившаяся своей головкой на колени старика, никогда бы его не осудила за недостатки в одежде уже хотя бы по одному тому, что старик, ласково глядя ее рукой по голове, называл внучкой.

Девушка была очень молода и красива. На вид ей нельзя было бы дать более 15-16 лет, и это отражалось в ее невинных, чистых глазах с открытым прямым взглядом, в беззаботном, веселом смехе и шаловливости, которая так свойственна тем переходным годам, когда в ребенке-девочке только что просыпается женщина.

Она была красива, но, очевидно, не сознавала своей красоты. Однако, эта красота была совсем особенная. Среди красавиц Нового Рима блондинки были редкостью, а эта девушка была блондинка с золотистыми волосами, ясными го-

лубыми глазами и ярким румянцем, что пламя заливавшим ее щеки. Фигура — стройная, статная, с хорошо развитым бюстом, несколько приподнятыми плечами и крепкими мускулистыми руками. Она вся дышала не только красотой и молодостью, но совсем не свойственной женщинам юга физической мощью, разлитой во всех ее движениях и придававшей ей какой-то самоуверенный вид.

Она полулежала на траве, опираясь локтями в колени старика, и слушала его тихую речь, перерываемую время от времени нежными обращениями ее собеседника, которого она в свою очередь называла «добрым дедом Лукой».

Они говорили.

— Вот, так и все устроено, внучка, на этом свете, — тихо говорил старец, — всегда так было и будет... Радость и горе постоянно чередуются друг с другом. Хорошо человеку — радуется он, счастлив, думает, что так уже до конца дней его будет, а в это время горе сторожит уже его и вдруг, как дикий зверь, кидается на счастливец в тот самый миг, когда он и ожидать этого не мог... И всегда так...

— И меня, стало быть, ждет горе? — вздохнула девушка.

— И ты также, Ирина, не минуешь его... Это — общая участь всех...

— Близко это горе...

— Близко? Откуда ты можешь знать, дитя?... Наше будущее скрыто от нас...

— Так, я это знаю, чувствую... Да, наконец, ты мне и сам только что сказал...

— Я ничего не говорил...

— Нет, ты сказал!... Ты сказал сам, что горе подкрадывается к людям всегда в то время, когда они чувствуют себя счастливыми, так ведь?

— Да, это верно...

— Ну, вот, так и со мной... Я счастлива, безмерно счастлива, порой мне кажется, что счастливее меня никого нет во всей Византии, а вот теперь я думаю, что как раз горе и сторожит мое счастье, пронесется оно, унесет его, и я буду плакать, долго плакать...

— Отгони от себя мрачные мысли, дитя! Кто знает будущее?... Тебе придется страдать, как и всякому, но что же поделать, если уже так суждено... Да и счастлива ли ты теперь?...

— Счастлива, дедушка, я уже сказала тебе об этом... Да и как же я могу быть не счастливой? Все у меня есть: ты выезжаешь на ловлю и всегда привозишь так много рыбы, что мы совсем не знаем голода, а что же еще? Кругом всего так много! Вот, видишь, там журчит наш ручеек, вода его вкусна и холодна, кругом здесь цветы, красивые цветы, и я могу ими украшать свою голову... Я так хорошо умею плести венки... Наконец, ты, когда ходишь с рыбой к дворцовому куropалату, всегда получаешь от его слуг обильные подарки, так что нам даже не нужно заботиться об одежде... Видишь, всего у нас вдоволь, все есть, и живем мы тихо и покойно, не трогая других и сами забытые всеми...

Старик тяжело вздохнул.

— Когда бы всегда так было, Ирина! — печально промолвил он.

— Так и будет всегда...

— Нет, нет...

Так не может всегда быть... Я стар, дни мои сочтены, жизнь моя позади, ты молода, твоя жизнь у тебя впереди... Что хорошо для старца, совсем нехорошо для молодки... Молодость требует другого...

— Чего же, Лука?

— Мало ли чего... В твои годы все так рассуждают, потому что молчит пока сердце...

— Как молчит? Отчего?

— Оттого, что любовь еще не посетила его...

— Вот ты про что, дед! А почему ты знаешь, что я никого не люблю? Если так, то ты ошибаешься, я люблю...

— Как! Неужели? — с испугом в голосе воскликнул Лука.

— Да, да! Люблю...

Люблю вот эту хижину нашу, люблю свет солнца и это море, потом люблю нашу лодку, птиц, которые собираются клевать крошки после нашего обеда, люблю, когда звонят в колокола в храмах, а потом и тебя люблю...

— Хвала Создателю! — с облегчением вдохнул старик. — А я думал, что и в самом деле горе постигло тебя...

— А разве любовь — горе?

— Да, дитя...

— Я думала, что — счастье...

— Для кого как... Для очень немногих на земле это, может быть, и счастье, только такое смутное, неясное, тревожное счастье, что, пожалуй, горе для человека — лучший удел, если сравнишь их; для остальных же любовь — горе, тяжелое, страшное горе...

— Вот как!

— Это верно... Видишь, я стар, долго-долго живу я на свете и твердо знаю это...

— Ты любил?

— Да, и меня постигло это горе... Оно неизбежно для всех...

— Но ты говорил, что был счастлив с твоей женой.

— Ты права... Мать твоего отца дала мне счастье, какое только возможно на земле, но это-то счастье и было вместе с тем горем...

— Я не понимаю тебя!

— Поймешь сейчас: я боялся потерять это счастье и мучился, а когда потерял мою жену, то, вот, прошло уже тому много лет, я не знаю счастья, а терплю только одни муки...

— Она умерла?

— Да, с тоски по свободе и с горя, что жена ее сына убила себя сама...

Я до сих пор вижу страшную рану на ее горле...

— Убила? Зачем?

— Ты хочешь знать, дитя? Так я скажу. Она любила нас и решила скорее умереть, чем расстаться с нами... Хочешь я расскажу тебе все...

Теперь ты выросла и должна знать, как ты попала сюда... Мне уже не долго жить на свете, и я должен, наконец, рассказать тебе все... Ты будешь слушать?

— Да, дед... Ты много раз обещал мне поведать это, но как я тебя ни просила, ты никогда не был со мной откровенен... Отчего это?

— Не приходило время еще.

— А теперь пришло?

Старик задумался.

— Не знаю, что и сказать тебе, как ответить на этот вопрос... Чувствую, что оно не пришло это время, но тут же чувствую, как какие-то мрачные предчувствия

так вот и одолевают меня... Откуда это? Почему? Не знаю сам, но чувствую...

— Что же ты чувствуешь, Лука?

— Многое, ох, многое, дитя.

— Тобой недоволен куропалат...

— Нет, этого нет!... А вот чувствую я, что жить мне недолго, ох, недолго остается.

Ирина вскочила и с трепетным страхом смотрела на старика.

— Дед, дед! Что ты говоришь! Опомнись! — лепетала она.

— Что, дитя, чего ты так испугалась?...

— Ты сказал про смерть и так сказал, что и я поверила... Ты сказал это совсем по особенному, в твоих словах была страшная уверенность...

— Что делать?... Этот конец неизбежен для всех живущих...

— А как же я?...

— За тебя-то мне и страшно!... Да, за тебя... Ты — последнее звено, приковылающее меня к жизни...

Самое последнее... Ради тебя только и живу я... Что я такое? Одиноким, жалким, затерявшимся среди чужих старик... Все равно как дерево, вырванное с корнем налетевшим вихрем и перенесенное на чужую почву...

Вот я... Привился, прозябаю, зачем? К чему?... Только вот ты, ты — мой побег молодой, молодая лоза, вот и жалко мне тебя...

— Лука, дед, старый дед, ты не умирай, ты послушайся меня, не умирай, — с громким воплем кинулась к нему на грудь Ирина.

— Да я и не думаю умирать.

— А сам сказал...

— Сказал только, что тоска меня смертная гложет, может быть, я еще и ошибаюсь... Может быть, все это пустяки из пустяков — так, плохо спалось, а вот, все-таки хочу я тебе рассказать про прошлое. Узнай на всякий случай...

— Лучше не говори, Лука.

— Отчего же, дитя?

— Ты так напугал меня...

Вот, я и не хочу слушать...

— Полно, успокойся, ну, не плачь же, прошу тебя, не плачь.

— Я не буду слушать, ты собираешься умирать, вот и хочешь мне рассказывать про свою прошлую жизнь...

— Ты должна слушать...

Если что случится, ты должна знать, кто ты... Будешь?

Ирина потупилась.

— Будешь слушать? — настойчиво повторил Лука.

— Говори, буду! — прошептала девушка, отирая рукавом слезы.

2. ТЕНЬ ПРОШЛОГО

— Слушай же, дитя, слушай и на всю жизнь запомни мои слова, — начал Лука, поудобнее усаживаясь на своем камне. — Ты живешь на свете уже шестнадцатую весну и помнишь себя всегда вот здесь, в этом тихом уголке дворцового парка; но, может быть, смутно, ты припомнишь, что не вся твоя жизнь протекала здесь...

Не так ли, Ирина?

— Да, да, дед Лука, как во сне иногда, особенно, когда задумываюсь, припоминаются мне высокие обросшие с вершин до скатов лесом горы, широкая река, то тихая и покойная, как вот этот наш залив, то бурная и ревущая. Потом помню я и людей, но совсем не таких, каких я видела здесь. Они были высоки ростом, широки в плечах. У них были голубые глаза, как у меня, и белые волосы, как у тебя... Впрочем, таких вот людей я видела и здесь - среди варваров... Скажи же, дед, что это такое в самом деле, сон или действительность? Я думаю, что это — сон...

— Нет, память не изменяет тебе, это — не сон, не создание девичьей мечты...

— Но что же?

— То, что действительно было... Ты не здесь родилась, Ирина. Твоя родина — не шумная Византия. Первый раз свет солнца увидела ты не под сенью деревьев этого парка, а далеко-далеко от него...

— Но где же? Где, Лука?

— Сказал, далеко...

Слушай же и не перебивай. Далеко отсюда, от шумной и развратной Византии, за этим морем, которое кажется тебе безбрежным, есть другая страна. Она не похожа на эту. Нет там таких городов, как эта Византия, и народ там живет совсем другой — крепкий, сильный, здоровый, с русыми волосами и голубыми глазами.

— Варвары! — воскликнула Ирина.

— Здесь так называют их... Здесь, ведь, всех так называют, кто не римлянин или эллин. Только по совести — все варвары, даже дикие, и те добрее и лучше жителей Нового Рима... Я знаю этих варваров близко, потому что я родился там, среди них, детство, юность, взрослые годы, начало, наконец, старости, провел в этой стране, потому здесь я сам — варвар.

— Ты никогда не говорил мне этого...

— Не приходило время, дитя... Да, я — варвар... Моя родина за этим морем, на берегах великой славянской реки Днепра. Там я родился, там жил, любил и был счастлив, но, видно, умереть мне там не суждено... Родина моя, родина, далекая, милая!... Поля мои зеленые, леса дремучие, непроходимые!... Не увижу никогда я вас, не вдохну своей старой грудью того воздуха, которым дышал, когда родился... Все потеряно для меня, и только в грезах моих да мечтах, да во сне еще вижу я родимую сторону, и болит мое старое сердце, трепещется оно, как подстреленная птица!... А как позор свой вспомню...

— Говори, дед, говори, я слушаю тебя! — с волнением закричала Ирина, отклоняясь от старика и становясь перед ним на колени.

Лицо ее пылало, как в огне, глаза сверкали, высокая грудь вздымалась, что волна Босфора в бурю.

— Как же ты попал сюда? Каким образом очутился здесь, старый, хилый, ведь не по своей воле покинул ты родину? — задыхаясь от волнения, спрашивала она.

— Не по своей, не по своей! Кто же решится сам покинуть родную страну и уйти от нее... Ты права... Так слушай же! Тяжело мне, а все поведаю я тебе...

Слушай... Там в родной мне стране, на берегах Днепра, жили наши роды... Мы жили в долинах вокруг высот, на которых стоял наш город - великий Киев. Полями нас всех звали другие племена. Жили мы мирно, никого не трогали, не обижали, хотя нас было много. Неподалеку от нас в дремучих лесах жили древляне. Нашего корня было это племя. Говорили они одним языком с нами. Мы

их понимали, а они нас. Одним богам мы молились и жертвы приносили, только нравы да обычаи у нас были совсем разные: древляне, как звери дикие, лесные, жили — грабежами промышляли, вечно в раздорах между собой были, а наши роды тихие, смиренные, хлеб растили, торговали с наезжими гостями в Киеве, сбывали им, что из земли потом да кровью своей добывали, а о битвах, о войнах, не только что друг с другом, но и с обижавшими даже нас племенами не помышляли... Да и к чему эти войны? Ведь все мы — родные были, недаром на всем пути великом от варяг в греки и далеко окрест по сторонам все, кто жил там, одним именем — славянами назывались: и у нас на Днепре, и на великом озере славянском Ильмене, и все, все мы, сказал уже я, одинаково говорили и одним богам молились. Только одна беда наша была: не могли мы в мире и согласии между собой жить. Вечно между нами ссоры да раздоры шли, и не было между нами правды, что на Ильмене, то и на Днепре кровь братская всегда рекой лилась. Род постоянно враждовал с родом и чаще всего по пустякам, и внимания не стоившим. Оттого-то, хоть и много было нас и сильны были мы телом, зато духом слабее детей были... Всякий, кто хотел, мог явиться к нам, воевать с нами и всегда побеждал. Будь между нами согласие, не было бы народа равного нам в целом свете!... Но что же делать, если судьба не давала нам этого, а оттого и гибли мы... Так, должно быть, предопределено самой судьбой славянским племенам во веки веков... Однако, даже при этих раздорах мы жили счастливо, особенно тот род, к которому я принадлежал. Этот род славен был богатством своим и красотой своих дев голубооких. Все окрест уважали его. К старикам его приходили даже дикие древляне, если хотели ссоры свои разрешить не кровью, а мирным правдивым словом. Не смущались даже тем, что во главе рода не старик стоял, опытом прожитых лет славный, а только что пришедший в зрелый возраст родич... Впрочем, нет, не так я говорю, больше пятидесяти зим было этому старейшине, когда его сородичи над собой во главе поставили. Был он человек добрый, справедливый, хотя и в обиду никогда своих не давал. Знали его не только в родах окрест, но в самом Киеве с почетом встречали, когда он приходил за чем-нибудь туда... Только, сказал уже я тебе, дитя, что не знают смертные, где конец счастья, где начало горя — так они близко друг с другом соединены. Стал думать этот старейшина, что боги всегда будут одинаково милостивы к нему...

— Ты говоришь, Лука, боги? Разве там, на твоей родине, не веровали во Христа...

— Нет, дитя, там не знали Его тогда, а, может быть, и теперь не знают...

— Но кому же там молятся?

— Кому? Главе всех богов — Перуну-громовержцу, злому Чернобогу, доброму Волосу, веселому Лелю...

— Истуканам?

— С виду истуканам, пожалуй, но на моей родине этими истуканами изображались великие силы природы. Однако, ты меня перебила... Узнай же, что случилось. Пришли в мой край злые люди, это были варяги, они из-за дальнего моря шли по своему обычному пути сюда. И прежде они часто проходили мимо, но никогда ни мы им, ни они нам зла не делали. Дружно всегда жили. Они выменивали у нас хлеб и сырье не свое железо и оружие. Так шло многие годы. Тут вдруг они явились к нам не с добром, а с мечом... После я уже слышал, что вышли

у них распри с приильменскими родами, и покорили они их под свою власть, потом и к нам явились с военной грозой... Ну, могли ли мы им сопротивляться? В ратном деле они очень искусны были, а мы едва умели в ряды построиться. Так и не смогли мы защитить себя от врага. Помощи нам ни откуда не было. Все соседние роды разбежались, и остался один только мой род, один на один с врагом лютым. Кто успел в леса к древлянам убежать, тот спасся. Больше всего побили на месте, а многих в плен забрали и с собой, вот сюда — в Византию, как рабов, увезли. И старейшина увезен был со всей семьей своей, как раб. Были у него жена, с которой он прожил душа в душу, дочь, твоих, вот, лет — красавица, сын с женой и сыном маленьким. Так их всех и взяли. В Византии на рынках рабов семьями всегда охотно покупали. Варяги рассчитывали продать их там или на своих выменять. А тут еще славянский старейшина... За него рассчитывали и взять больше, хотя он и не молод был. По дороге, пока морем плыли, они обращались хорошо со всеми своими пленниками — никого не обижали, кормили, поили, причем от себя не отделяя, работать заставляли — когда ветра не было, мы должны были грести, — да это ничего было, легко. Старейшина пленный только грустил тогда. Еще бы, первым человеком был, а вдруг стал жалким рабом... Так переменчиво счастье людское!...

— Дед, ведь, этот старейшина был...

— Молчи, дитя, и слушай! Ведь, только начинались беды этого старейшины тогда. Сын его любимый, единственный, Всеслав, вдруг одному из вражеских вождей полюбился. Молодец был этот Всеслав, во всем роде другого такого не было. Силы и удали он был непомерной и лицом пригож, и станом строен. Взял его варяг к себе, отнял от отца и матери, от жены молодой, и больше с той поры не видели они его никогда, и что с ним сделалось, скрыла от них судьба. Да и не суждено им знать и свидетельствовать. Плакала мать и жена, когда их разлучили, да что? Разве слезами поможешь тут чему-нибудь?... Разлука ли, горе ли повлияли — не знаю, только у оставшейся жены сына старейшины тут же на варяжской ладье дочь родилась. Варяги-то только смеялись да радовались, одного, говорят, нет, на его место новая пленница явилась, все что-нибудь в Византии и за нее дадут... Впрочем, они мало обращали внимания на пленных, пока, наконец, не прибыли в Византию. Там варяги всех их сковали попарно. Старейшина был скован не только с женой своей, но и с дочерью, и с женой своего сына. Как плакала тогда она бедняжка... Малютка была у нее на руках, чувствовала она, эта бедная мать, что скоро, скоро придется ей навеки расстаться со своими детками! Так и случилось! Красавица была эта славянка, здесь таких нет, и как она была похожа...

Лука вдруг умолк и пристально посмотрел на Ирину.

— На меня? — тихо промолвила девушка, потупя взгляд.

— Да, на тебя...

— Это была моя мать?...

Но старик, как будто не слыша этого вопроса, продолжал:

— Нас вывели на рынок. Не одни мы там были. Много, много рабов было выставлено на продажу. Только как совестно было стоять. Мы ничего не понимали, что говорили вокруг, но нас осматривали как скот какой-нибудь. Меня — славянского вождя, заставляли раскрывать рот и показывать свои зубы... Позор! ... О, какие страдания я тогда перенес!... Я не заметил, как увели от меня мою

дочь, я даже не знал, кто купил ее, в себя меня привел отчаянный крик твоей матери... Она понимала по-эллински. Ей сказали, что ее отдадут в рабыни старому развратнику византийцу, купившему ее по дорогой цене. Закипела славянская кровь тогда. Смерть казалась лучше и слаще позора... Как-то она успела выхватить у близко стоявшего варяга его короткий меч и закололась прежде, чем кто-нибудь смог отнять у нее оружие... Это была твоя мать, Ирина... Но что это такое?

Вблизи от них, в кустарниках, слышен был треск ломающихся ветвей. Как будто кто-то поспешно пробирался через чащу сюда на берег.

Старик вскочил, Ирина тоже. Треск слышался ближе и ближе.

3. БЕГЛЕЦ

Прошло всего несколько мгновений — мгновений смутного и тревожного ожидания, показавшихся Луке и его внучке очень-очень долгими. Ни тот, ни другая нисколько не растерялись. Они знали, что зверей в парке нет, что от воров и грабителей, которыми кишела Византия, парк бдительно охраняется, потому что он окружает собою императорский дворец. Если же человек идет не прямою дорогой, а пробирается через кусты, то, стало быть, для этого есть какая-нибудь особенная причина.

Но какая?

Сюда, в этот уголок так редко заходили люди, что появление человеческого существа, да еще при таких обстоятельствах, могло грозить Бог знает какими неприятностями. В этом же случае нельзя даже было предугадать, как следовало поступить: встретить ли гостя или обороняться от него?

Однако, все эти недоумения быстро рассеялись.

Из чащи кустарников на прогалину выскочил человек и остановился, как бы пораженный присутствием людей.

Он был еще очень молод, но все лицо его было покрыто загаром. Глаза были такие же голубые, как и глаза Ирины, а грива густых русых волос, в беспорядке падавших на плечи, также указывала на его невизантийское происхождение. Одежда на нем была вся изорвана — недаром же он пробивался сквозь чащу кустарников. Из-под лохмотьев просвечивалось мускулистое розоватое тело. Руки незнакомца казались чрезвычайно развитыми, да и сам он весь был олицетворением физической мощи.

Он стоял, тяжело дыша, и вопросительно глядел на старика и молодую девушку.

Очевидно, незнакомец соображал, кого он встретил в этих двух существах — друзей или врагов.

Наконец, он решился заговорить.

— Кто бы вы ни были, спасите меня!...

Эти слова были произнесены далеко не чистым византийским говором. Напротив, незнакомец коверкал и ударения, и окончания, выговаривая все на какой-то особый лад.

В Византии так не говорили, и было видно по всему, что этот человек -иностранец...

Однако, Лука и Ирина сразу поняли незнакомца. Раз он обратился к ним с просьбой о спасении и помощи, он уже не мог быть им врагом. Это было ясно.